

Посвящается Тине, Джорджи, Алексу

Один АЛЕФ

Добро пожаловать на «ПослеЖизнь».

Вы выбрали субъекта [xx] (доступ ограничен).

Имя субъекта: Алеф Сельсиор.

Состояние субъекта: не указано. Физическое состояние — *rigor vitae*. Серьезные травмы отсутствуют. Серьезные заболевания отсутствуют. Состояние сознания — гиперсомния.

Особое примечание: данный субъект недоступен для голосования. Эта Жизнь не завершена и открыта только для просмотра. В настоящий момент она недоступна для программ случайного поиска «ПослеЖизни».

Пожалуйста, выберите критерии просмотра:

Вся Жизнь/Ключевые События?

Спасибо. Ваш выбор — «Ключевые события».

В хронологическом порядке/В случайном порядке?

Спасибо. Ваш выбор — «В хронологическом порядке».

С комментариями/Без комментариев?

Спасибо. Ваш выбор — «С комментариями».

Пожалуйста, подтвердите критерии просмотра.

Спасибо. Ваш выбор — ключевые события жизни Алефа Сельсиора в хронологическом порядке с комментариями.

КлючСоб 1: Оркрест

Меня зовут Алеф Сельсиор. Я — единственный ребенок.

Я родился и вырос в поселке в закрытом обществе планеты Геенна. Поселок назывался ИерСалем. Мой отец, Савл, был статистиком в небольшой бинарно-консалтинговой фирме. Марита, моя мать, пела в церковном хоре и пекла печенье.

Мне сложно вспомнить большую часть своей жизни до прибытия Пеллонхорка и его матери. Возможно, причина в возрасте — он появился, когда мне было восемь, — но я думаю, что на самом деле в том, что он налетел на нас словно громоворот, все изменил и погрузил то, что было до него, в непроглядную мглу.

Единственное мое воспоминание из времен до Пеллонхорка — это прилет на Геенну оркреста. Я вспоминал это событие так часто, что чувствую себя ребенком и стариком, мудрым и наивным одновременно, — хотя, если подумать, я всегда так себя ощущал.

Чтобы услышать оркрест, мы отправились в городской собор; дорога заняла целый день. Если не считать колебальных, музыка на Геенне ограничивалась псалмами и гимнами; к тому же, разумеется, планета была отрезана от Песни, которую называла порносферой, поэтому оркрестовая музыка была для нас в новинку. Естественно, во время пребывания на Геенне оркресту разрешалось исполнять только богоугодную музыку. Псалмы и гимны.

Мы отправились в город на бусе. Я был так взволнован, что едва мог сосредоточиться на предотлетных

молитвах и проговаривал их без чувства. Помню, что корил себя из-за этого, когда мы попали в турбулентность, и еще помню, что священник в капсуле обвиняюще на меня смотрел. Я знал, что если мы разобьемся, случится это из-за меня, но он ничего не сказал, и я провел остаток пути в отчаянной молитве.

В городе мы прокатились вдоль реки на циклолете. Я никогда раньше не бывал на циклолете, или на реке, но помню лишь одно — как молился, чтобы защитный купол не поддался вихрящемуся газу и чтобы грязь не утянула нас напрямиком в ад.

Собор был огромным стадионом. В остальной Системе такие места отводились под спорт. Конечно, я уже видел собор на монитории, дома и в церкви, но сидеть на трибуне в окружении десятков тысяч прихожан было словно попасть живым на небо. Наша иерусалимская церковка уместилась бы в самом центре поля, и травы вокруг было бы столько, что я не смог бы докинуть до нее мячом. Огромный стадион был открыт небесам, и с неба над нами облезала шелуха — тучи разворачивали свои кошмарные обличья, дьявол искушал нас вообразить худшее. Помня, чему меня учили, я не поднимал взгляда. Было видно, где убрали обычно стоявшие вокруг центрального овала шести: в глаза бросались пятна обожженной земли. Пока мы ждали оркresta, стадионная мониторинг показывала записи исторических раскаяний. Раскаяний в вероотступничестве, в идолопоклонстве, в ереси, а иногда — в обычном уголовном преступлении.

Теперь я вспоминаю тот день — и не могу поверить. Так странно. Я думаю о своем раннем детстве — до Пеллонхорка — как о времени невинности. Геенна звала

себя невинной планетой, и ее священники рьяно защищали эту невинность.

Но что такое невинность? Может ли человек открыть глаза, посмотреть на мир и остаться невинным? Может ли человек закрыть глаза, чтобы не видеть жизни, и называть себя невинным?

А я могу, оглядываясь на все то, что видел и делал? И кто будет мне судьей? Тот, кто не понимает, судить не может.

Атмосфера в соборе была восхитительной. Потрясающее ощущение единства. Я сидел на высокой трибуне между родителями и держал их за руки. Моя мать разрумянилась. Глаза отца сияли. Я смотрел на поле, зачарованный. Как странно было видеть там не кучку приговоренных, а кого-то другого. Когда музыканты взялись настраивать инструменты, воздух пронизали ноты. Даже сейчас я помню идеальную беспорядочность этих звуков, отсутствие структуры в нотах и аккордах. Свободу.

Амвон, расположенный на одном из концов поля, был от наших мест так далеко, что приходилось вытягивать шею, чтобы разглядеть его на высокой монитории. В тот день проповедовал отец Шеол. Он встал перед аналоем и раскинул руки.

Отец Шеол был легендой — старик почти пятидесяти лет, тем не менее до сих пор переполненный адским пламенем. Голос его существовал отдельно от движения губ на монитории, как будто взывая к нам с небес.

— Приветствую вас, — прогремел он.

Мы взревели в ответ, восторг прокатился по стадиону волной.

— И приветствую вас, оркестр Амадея.

Название он произнес отчетливо. На Геенне именам придавалось огромное значение, и сходство «Амадея» с «Асмодеем» обсуждалось очень долго, прежде чем оркестру выдали разрешение на посадку. Музыканты прервали разминку, чтобы поклониться пастве и ответить на приветствие священника.

Он провозгласил:

— Мы собрались здесь, дабы разделить радость богобоязни. Мы собрались, дабы не забыть об искушении в вышине, воздаянии в глубине, страдании здесь и сейчас и вознаграждении в мире ином. Мы, народ Геенны, приветствуем оркестр Амадея и напоминаем ему о богобоязни.

Несколько оркестрантов вернулись к настройке инструментов. Но они замерли, когда мониторинг вокруг них очистилась от изображений и сделалась адово-черной.

Отец Шеол продолжил:

— Сегодня Геенна приветствует не только оркестр Амадея, но и зрителей из Верхних Миров.

По реакции окружающих я понял, что этого они не ожидали. С тех пор я посмотрел все записи этого события, какие только существуют. Отец Шеол выглядит маленьким, а голос его дребезжит. Каждый раз, когда он произносит название оркестра, в нем все явственнее и явственнее слышится «Асмодей». Асмодей, одно из имен дьявола.

Почему отец Шеол и его Пастырство позволили Верхним Мирам (так мы называли всю остальную Систему) увидеть нас? В Верхних Мирах обитали посланцы дьявола; и тем не менее мы разрешили им наблюдать за Геенной через порносферу. Какой грех совершался здесь и кем?

По всему собору слышался шепот. Все думали об одном и том же. Зачем порносферу допустили в набожнейшая набожнейших?

Адова чернота монитории медленно выщвела, и появились новые изображения. Но это были не привычные раскаяния. Это были сцены воздаяния.

Все страннее и страннее. Нам показывали не обычные сожжения отдельных грешников на костре, а масовые кары в ямах. Там, на монитории, были толпы дрожащих мужчин, женщин и детей, стоявших на траве над ямами, ожидая, когда те разверзнутся у них под ногами.

Я подумал о том, как неприятно должно быть оркестрантам сидеть на сооруженной там платформе. Но монитория показывала только мгновения, предшествовавшие открытию ям, и теперь я знаю, что музыканты и не могли понять, в чем смысл этих картин, понять, что случится дальше. Они знали о Геенне только то, что она предоставила им возможность сыграть перед огромной новой аудиторией на одной из двух закрытых планет — второй была одержимая секретностью (до такой степени, что скрывала даже свое имя) неназываемая планета — и одновременно перед всей Системой.

На аналое была видна небольшая шкатулка — свинцовый сундучок, отделанный по краям золотом; отец Шеол навис над ним и на мгновение замер. Все знали, что было внутри. Сундучок открывался лишь раз в году, и день этот был не сегодня.

Отец Шеол склонил голову, ненадолго сложил руки в молитве, потом размял пальцы и надел пару жестких черных перчаток, натянув выше локтей длинные, в свинцовой чешуе, краги, а затем подался вперед и

положил ладони на выпуклую крышку шкатулки. Глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Мы молчали.

Отец Шеол одним плавным ритуальным движением открыл шкатулку, потянулся внутрь, вынул руку и позволил крышке снова упасть.

Мы радостно закричали, когда он воздел над головой книгу. Собор сотрясся от нашего экстатического одобрения. Отец Шеол держал святую Балаболию в ее Авторизованном издании. Она сияла в обтянутых перчатками руках, внушая благоговейный трепет. Отец Шеол стоял в ее яростном свете, а когда через несколько долгих оглушительных секунд рев затих, все, кто был в соборе, вжались в кресла и затаили дыхание. Лишь оркестранты не понимали значения того, что происходило у них на глазах.

Я слышал, как люди шепчут, отсчитывая секунды, и делал то же самое, хотя для меня считать было так же естественно, как дышать.

«Три, четыре...»

Даже я знал, что сияние святой Балаболии было смертоносно.

— Мы, народ Геенны, *веруем*, — проревел отец Шеол.

Оркестранты сидели неподвижно. Теперь они почувствовали, что происходит нечто особенное. Они видели блики яростного света Балаболии на щеках священника.

«Семь, восемь, девять...»

Отец Шеол все еще держал книгу над собой. На нее смотрела порносфера, и он проповедовал пламенно. Демонстрировал Верхним Мирам неугасимую мощь нашей веры.

Он опустил Балаболию, и мы выдохнули. Но потом, прежде, чем вновь запереть книгу в свинцовом сундучке, он неожиданно поднес ее ко рту и поцеловал незащищенными губами, надолго прижав к ним. Лишь затем отец Шеол убрал ее. Он приложил ко рту палец и послал оркестру тихий воздушный поцелуй. От его губ струйками поднимался дым. Они уже начинали пузыриться.

Что это значило? Все на Геенне содержало в себе смысл и нуждалось в истолковании. Но времени для него уже не было, потому что оркестр заиграл музыку.

Я тотчас позабыл об отце Шеоле. Мне казалось, что я в раю. Летящая, пикирующая, парящая музыка окутала меня. Угасание и возобновление мелодии, и нюансы вариаций, и... я не могу ее описать. Все, что они играли, я слышал тысячу раз, каждое возгрешенье, сколько себя помню. Но эта музыка была чем-то бóльшим. Она была чудесной и устрашающей. Я сидел и пытался удержать ее в голове, ее простоту и сложность, а потом сдался, закрыл глаза и позволил ей унести меня прочь.

Она продолжалась, наполняя меня чем-то, прежде неведомым, и я обнаружил, что гляжу вверх, на небо. Не задумываясь о том, что делаю, я смотрел на облака и видел в них могучих, прекрасных зверей, величественно несущихся вдаль, пронизанных далеким светом.

Музыка переполняла меня, и я не знаю, как долго глядел вверх, пока меня не привела в чувство сильнейшая затрешина сзади. От удара все у меня перед глазами поплыло. Я обернулся, ошеломленный и обиженный. Мое зрение сфокусировалось как раз тогда, когда ударивший меня прошипел:

— Чертогляд! Опустит глаза!

Удар словно выключил что-то у меня внутри, и музыка в ушах поблекла. Я все еще слушал, но иначе. Кажется, до этого момента меня никогда не били. Родители ни разу не поднимали на меня руки. Но они ничего не сказали мужчине, который это сделал. Переглянулись, но больше никак не отреагировали.

Странно. Я думал, что обращаюсь к воспоминанию о простой жизни перед появлением Пеллонхорка, ко времени без боли и смятения, и все же чувствую возмущение.

Музыка закончилась. Пока мы ждали завершения проповеди отца Шеола, мама спросила, понравилось ли мне, и я ответил, что да. Мой голос звучал по-новому. Мы посмотрели друг другу в глаза. Вспоминая, я понимаю, что мама увидела, как во мне что-то изменилось.

Отец ничего не заметил. Он улыбнулся нам и сказал:
— Хорошо!

А когда отец Шеол возвратился на амвон, добавил:
— Интересно. Струнная группа составляла семнадцать целых восемь десятых процента оркестра.

Он постоянно делал подобные замечания. Так работал его мозг. Когда отец выдавал что-то в этом роде, мама всегда глядела на меня и закатывала глаза. Она имела в виду, что он не такой, как мы, но в тот раз я впервые осознал это четко. Конечно, бывали и случаи, когда мы с отцом обменивались похожими взглядами, имея в виду маму, которая была не такой, как мы с ним.

Я безошибочно ответил отцу:

— А ты заметил, что струнная группа была ответственна за тридцать восемь целых двадцать пять сотых процента всех сыгранных нот?

Отец моргнул и с легким удивлением сказал: